

В.Ф. Ходасевич в Бельском Устье и Порхове

Крупнейший поэт русского зарубежья, не входивший ни в одну из поэтических школ, но сформировавшийся под влиянием символизма, Владислав Фелицианович Ходасевич (1886-1936 гг.) оставил немного стихов, опубликовал всего пять поэтических книг: «Молодость» (1908 г.), «Счастливый домик» (1914 г.), «Путем зерна» (1920 г.), «Тяжелая лира» (1922 г.) и «Европейская ночь», которая отдельно не издавалась и вошла в «Собрание стихов» 1927 г. Его «негромкий, старческий, серебряный голос» (О. Мандельштам) развивал тютчевскую поэтическую традицию. Поэзия Ходасевича посвящена узловым проблемам бытия - отношению человека к природе, культуре, к Богу, и эти проблемы в его стихах часто приобретают драматизм и даже трагедийность. «На противоречиях, глубоких и беспощадных, между классической гармонией и модернистским надрывом, между изгнанничеством и богатством культурного наследия, между пессимизмом и органичностью лирики, между историзмом и ощущением себя и мира над пропастью и зиждется поэтическая система Ходасевича». ¹ В своих программных стихах он утверждал мысль о связи времен, о единстве всего земного («мудрость нам единая дана: Всему живущему идти путем зерна») и о своей органической принадлежности России и ее народу («Не матерью, но тульскою крестьянкой Еленой Кузиной я выкормлен...»). Недаром О. Мандельштам о Ходасевиче написал: «Его стихи очень народны, очень литературны и очень изысканны». ²

Многие стихи четвертой книги «Тяжелая лира» были написаны в Бельском Устье по впечатлениям от пребывания там в период существования там известной колонии для деятелей искусства. В письме из Бельского Устья поэт писал: «Я в последнее время написал 20 стихотворений, и у меня почти готова книга, которая... будет называться «Узел» [первоначальное название четвертой

книги. - А.Р.]». ³ Среди этих стихов – «Лида» и «Бельское Устье», объединенные образом естественного, цельного, спасительно противостоящего миру цивилизованному, гибельному.

Бельское Устье

Здесь даль видна в просторной раме:
За речкой луг, за лугом лес.
Здесь ливни черными столпами
Проходят по краям небес.

Здесь радуга высоким сводом
Церковный покрывает крест
И каждый праздник по приходам
Справляют ярмарки невест.

Здесь аисты, болота, змеи,
Крутой песчаный косогор,
Простые сельские затеи,
Об урожае разговор.

Я и росистые поляны
Топчу тяжелым башмаком,
Я петербургские туманы
Таю любовно под плащом.

И к девушкам, румяным розам,
Склоняясь томною главой,
Дышу на них туберкулезом,
И вдохновеньем, и Невой.

И мыслю: что ж, такой от века,
От самых роковых времен,
Для ангела и человека
Непререкаемый закон.

И тот, прекрасный неудачник
С печатью знания на челе,
Был тоже - просто первый дачник
На расцветающей земле.

Сойдя с возвышенного Града
В долину мирных райских роз,
И он дыхание распада
На крыльях дымчатых принес.
(1921 г.)

Разумовская Аида Геннадьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Псковского пединститута им. С.М. Кирова

Вл. Ходасевич писал не только стихи, но был переводчиком, литературным критиком, историком литературы (опубликовал книги о Пушкине, Державине), мемуаристом. Среди его воспоминаний есть очерки «Во Пскове» и «Поездка в Порхов», в которых медленное течение провинциальной жизни на фоне глобальных устремлений времени запечатлено в иронической, а порой и саркастической форме. Вот, к примеру, отрывок, изображающий заседание коллегии Наробраза, на котором речь шла о реформе театра, а оратором был театральный парикмахер: «Вырабатывались принципы театральной реформы: не для Порхова (неизвестно даже, имелся ли в Порхове театр), а для всей советской республики и шире - для всего мира. «Если делать, так уж делать! - восклицал парикмахер. - Мы не вправе себя ограничивать узкими национальными рамками!» Однако что именно надо делать и почему - в Порхове, мне так и не удалось понять за все два часа, которые я просидел в заседании. Наперебой произносились слова, выдернутые то из специальных книг о театре, то из советских газетных передовиц и агиток. Такая бессовестная каша варилась в головах ораторов, что я не мог понять даже того, идет ли речь о преобразовании театра по существу или еще только намечается план работ и «порядок дня». Чувствовалось, что вопрос «прорабатывается» уже не в первом заседании и что предстоит еще ряд дальнейших. Сперва мне было забавно - участники прений представлялись мне «квинтетом»: расширенным пленумом крыловского квартета. Потом мне сделалось очень скучно. Вдруг, разглядывая от скуки членов коллегии, я сообразил, что ведь они все - в пенсне. В ту пору и я носил пенсне, и от этого стало мне нетерпимо совестно: в некотором смысле квинтет превращался в секстет при моем участии. Чтобы его как-нибудь разрушить, я встал и подошел к окну. Оно выходило

на чьи-то задворки. Там, в ленивой духоте знойного дня, грелась на солнце большая свинья и ходили куры. Комната находилась во втором этаже, и справа, поверх дощатого забора, была видна улица. Мой мерин стоял, понуря голову и отмахиваясь хвостом от мух. Кругом была полдневная тишина российского захолустья, - а тут пятеро идиотов надсаживались, решая проблемы европейского театра. Я вдруг обернулся к ним и объявил, что пора кончать. Кажется, они сами обрадовались моему предложению. Заседание закрылось...»⁴

В 1918-1920 гг. Ходасевич сотрудничал с Советской властью в театрально-музыкальной секции Моссовета, в репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса, в московском Пролеткульте, возглавляя московское отделение издательства «Всемирная литература». В конце 1920 г. он переехал в Петроград, поселился в Доме искусств и уже здесь продолжил свою культурно-просветительную деятельность вместе с М. Горьким. В 1922 г. уехал за границу, где вместе с М. Горьким редактировал журнал «Беседа» до тех пор, пока не перешел на официальное положение эмигранта (1925 г.).

В. Ходасевич считал, что и за рубежом должен хранить традиции русской культуры. Но «европейская ночь» давила его своим кошмаром, он чувствовал, что культура обречена:

Хожу - и в ужасе внимаю
Шум, невнимаемый никем.
Руками уши зажимаю
Все тот же звук! А между тем...
О, если бы вы знали сами,
Европы темные сыны,
Какими вы еще лучами
Неощутимо пронзены!

Трагическое понимание ненужности поэзии в современном мире привело к тому, что В. Ходасевич-поэт после 1927 г. замолчал.

Примечания

1. Баевский В. История русской поэзии 1730-1980. Смоленск, 1994. Сс.243-244.
2. Мандельштам О. Буря и натиск // Мандельштам О. Соч. в 2-х тт. Т.2. М., 1990. С.287.
3. Ходасевич В. Письмо к Диатроптовым от 16 августа 1921 г. // Наше наследие, 1988, № 3. С.90.
4. Ходасевич В. Поездка в Порхов // Литературное обозрение, 1989, № 11. С.109.